

стей“ способствовала запрещенію „Времени“ — этого мы рѣшить не беремся; весьма вѣроятно, однако, что между обоими явленіями была причинная связь—иначе г. Страховъ не сталъ бы говорить (въ „Воспоминаніяхъ“ о Достоевскомъ), что редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ чувствовала себя въ нѣкоторой мѣрѣ виноватою передъ „Временемъ“. Какъ бы то ни было, въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Русскаго Вѣстника“ появилась статья, толкуемая теперь г. Страховымъ въ смыслъ косвенной защиты пострадавшаго журнала. Допустимъ, что такова дѣйствительно была цѣль Каткова (статья помѣщена въ собраніи его сочиненій безъ всякой оговорки, и слѣдовательно принадлежитъ лично ему); тѣмъ знаменательнѣе тонъ статьи и ея манера. Начинается она увѣреніемъ, что „Роковой вопросъ“ вызвалъ въ русскомъ обществѣ *сильнѣйшее негодованіе*. „Общественное мнѣніе было оскорблено этою статьею. Патриотическое чувство не могло допустить, чтобы среди русскаго общества раздался странный голосъ въ пользу притязаній, враждебныхъ Россіи. Оно никакъ не могло допустить, чтобы въ русскомъ обществѣ кто-нибудь бралъ на себя должность судьи между русскимъ и польскимъ дѣломъ, и подъ личиною судейскаго безпристрастія произносилъ приговоръ въ пользу польской цивилизаціи и латинства. Будь что-либо подобное написано полякомъ, будь что-либо подобное написано полемическимъ тономъ, съ запаломъ страсти, общество скорѣе могло бы стерпѣть. Оно могло бы отвѣчать презрѣніемъ на подобную выходку, но оно было глубоко возмущено, слыша подобныя разсужденія отъ человѣка, назвавшаго себя русскимъ, и какъ бы ни сильно выразилось это *негодованіе, оно было бы совершенно естественно и справедливо*“. Какъ ясно рисуются здѣсь полемическіе приемы, разъ навсегда усвоенные Катковымъ! Прежде всего—претензія говорить отъ имени общества. Въ нѣсколькихъ случайныхъ отзывахъ, въ нѣсколькихъ мимоходомъ слышанныхъ восклицаніяхъ усматривается голосъ „общественнаго мнѣнія“; личное настроеніе немногихъ возводится на степень господствующаго чувства. Мы хорошо помнимъ весну 1863 года—и можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что о *всеобщемъ* негодованіи противъ „Рокового вопроса“ или противъ журнала, напечатавшаго эту статью, не было и помину. Закричите пронзительно и громко: „предательство, измѣна!“—и вы всегда найдете стоустое эхо, которое повторить за вами эти слова; но будете ли вы правы, выдавая вызванные вами отголоски за самостоятельные голоса и кичась ихъ многочисленностью?.. Этого мало: преувеличивъ распространенность и силу негодованія, Катковъ признаетъ за нимъ ничѣмъ не ограниченное право репрессалій. Подумалъ ли онъ, какое значеніе могло быть дано его словамъ: „какъ бы сильно ни выразилось